

Он совершил попытку самоубийства. Когда я открыл дверь ключом и вошел, вся комната была в крови, он уже был в состоянии шока. Сейчас его реанимируют, состояние критическое, есть прямая угроза жизни. Если не веришь, я могу прямо сейчас сфотографировать и прислать тебе...

Хорошо, что домовладелец оказался порядочным человеком. Иначе, кто бы стал так терпеливо и серьезно объяснять ситуацию, столкнувшись с отношением Линь Шэня.

Пальцы Линь Шэня, сжимавшие телефон, невольно побелели. Он помолчал мгновение и произнес безразличным тоном:

— Я сейчас приеду.

Линь Шэнь поймал такси, всю дорогу его терзало беспокойство.

В этом беспокойстве, на самом деле, было смешано и искреннее волнение. Стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором вставал окровавленный Линь Исин. Он видел, как тот лежит в луже крови, свернувшись калачиком, с таким же тоскливым и отчаянным взглядом, как в прошлый раз.

Псих, Линь Исин — настоящий псих.

Совсем с ума сошел... Стоило ли оно того? Есть ли в этом смысл? В мире столько людей, чья любовь осталась безответной, зачем устраивать эти драмы с жизнью и смертью?

Линь Шэнь злился и одновременно чувствовал свое бессилие, оставаясь наедине со своими терзаниями.

Наконец, добравшись до больницы, он увидел, что лампа над дверью реанимации всё еще горит. В пустом коридоре были только он и домовладелец. Линь Шэнь поблагодарил мужчину, и тот еще раз пересказал, в каком состоянии нашел Линь Исина. По его возбужденному тону и выразительной мимике Линь Шэнь мог легко представить, насколько ужасающей была та сцена.

Линь Шэнь сел на стул, раздраженно вытащил из кармана сигарету и ушел в специально отведенную курилку, чтобы спокойно покурить.

Линь Исин — извращенец. Извращенец, одержимый контролем и собственничеством. Он уже причинил вред восьмилетней Хэ Жаньжань, опозорил его самого на фестивале искусств, а в этот раз и вовсе опоил и приковал к кровати. Любой нормальный человек не смог бы это принять.

Тем более, что Линь Шэнь никогда в жизни не думал о том, чтобы связать судьбу с парнем. Для него это было чем-то за гранью понимания. Поэтому, с какой стороны ни посмотри, ему нужно держаться от Линь Исина как можно дальше.

Может быть, со временем Линь Исин забудет его. Нет на свете того, что не стерло бы время.

Линь Шэнь сделал резкую затяжку и долго размышлял. Выйдя из курилки, он вернулся в коридор, сел и, достав телефон, начал гуглить: Как сделать гея натуралом?

Страница поиска дернулась и выдала ответ: Скорее поверю в то, что свинья залезет на дерево, чем в то, что ты сможешь переделать гея!

Линь Шэню захотелось вытащить поисковик из телефона и прибить его. Мир такой странный, до такой степени странный, что это его просто бесит.

Спустя несколько часов двери реанимации открылись, и спящего Линь Исина на каталке перевезли в палату интенсивной терапии. Линь Шэнь как-то слышал, что реанимация — это когда мы делаем всё, что в наших силах, а интенсивная терапия — это когда всё зависит от воли небес.

Сидя у кровати, Линь Шэнь разглядывал лицо Линь Исина. Казалось, он никогда раньше не смотрел на него по-настоящему внимательно. Если быть точным, то за все эти годы, включая те двадцать лет из прошлой жизни, он вообще ни на кого не смотрел по-настоящему внимательно.

Он, как и Линь Исин, был сиротой. Разница была лишь в том, что его никто не усыновил, а характер у него был полной противоположностью Линь Исина. Он был солнечным, толстокожим, беззаботным. Возможно, на подсознательном уровне он понимал: чувствительные люди обречены на страдания. А он не хотел жить в мучениях. Поэтому лучше жить легко, свободно, есть, пить, спать и быть здоровым — этого вполне достаточно.

Линь Шэнь смотрел на Линь Исина: щеки без единой капли крови, черты лица изможденные и печальные, отчего он казался каким-то мрачным, почти мертвым. А теперь, из-за тяжелых травм, в нем сквозила еще и какая-то хрупкость. Эта болезненная красота в каком-то смысле вызывала жалость.

Линь Шэнь действительно чувствовал жалость, но при этом отчетливо понимал: это чувство вызвано лишь родственными узами, сложившимися за эти годы. Этот человек рос вместе с ним целых девять лет. Он не мог просто стряхнуть его, как гусеницу.

Линь Шэнь вздохнул.

Линь Исин, к чему всё это?

Когда Линь Исин очнулся, Линь Шэнь сидел у кровати, согнувшись, и спал, прислонившись к матрасу. Теплый солнечный свет пробивался сквозь листву за окном, падая на спину и профиль

Линь Шэня.

Линь Исин долго моргал, прежде чем к нему вернулось сознание. Он не умер.

Несмотря на то, что он приложил столько усилий, столько решимости, он не ожидал, что его всё равно вытащат обратно в этот мир.

Он медленно и с трудом протянул руку, осторожно, дрожащими пальцами потянулся к лицу Линь Шэня. Нежно, украдкой касаясь его. Прохладные кончики пальцев скользнули по лбу, опустились на красивые брови, медленно поднялись к высокой переносице и, наконец, замерли на губах, слегка поглаживая их.

Линь Исин ласково и с такой глубокой любовью очерчивал черты лица Линь Шэня, словно великий художник, выверяющий каждый штрих, вкладывая в это всю душу.

Почему он его не любит? Почему так жаждет уйти от него...

Линь Шэнь спал чутко, но всё равно видел призрачный сон. В этом сне Линь Исин постоянно следовал за ним по пятам, и в какую бы сторону он ни направлялся, он не мог скрыться из его поля зрения... Это гнетущее чувство давления заставило Линь Шэня резко проснуться.

Хотя Линь Исин быстро убрал руку, словно котенок, укравший сливки, — растерянно и нервно, — Линь Шэнь всё же успел почувствовать его нежное прикосновение.

Линь Шэнь притворился, что ничего не заметил, и спокойно взглянул на него:

— Врач сказал, что ты истощен. Ты голоден?

— Не истощен.

Ресницы Линь Исина дрогнули — очевидно, от непривычно мягкого тона Линь Шэня. Хотя это нельзя было назвать нежностью в полном смысле слова, но отсутствие ярости, гнева и отвращения было достаточным, чтобы Линь Исин почувствовал заботу.

— Я спрашиваю, голоден ли ты, а не о том, истощен ли ты.

У Линь Шэня был довольно скверный характер, и в этот раз он явно добавил в голос резкости. Лежащий на кровати Линь Исин с трудом покачал головой, боясь разозлить Линь Шэня:

— Не голоден.

— Когда ты мотаешь головой, не слышишь ли ты плеск воды?

Линь Исин не понял, что тот имеет в виду, но спросить не посмел, лишь тупо уставился на

него. Выглядел он при этом донельзя глупо.

— У тебя в голове не вода, раз ты творишь такие идиотские вещи? — Линь Шэнь приподнял бровь.

Линь Исину потребовалось полминуты, чтобы осознать, что предыдущая фраза Линь Шэня была шуткой, поэтому... он послушно и скованно выдавил из себя улыбку. Глупую, идиотскую улыбку. По крайней мере, так показалось Линь Шэню.

— Я пойду куплю тебе поесть, — решил Линь Шэнь, посчитав, что Линь Исин всё же должен быть голоден.

Стоило ему это сказать, как Линь Исин поспешно произнес:

— Не уходи.

Линь Шэнь мысленно, сам не зная почему, додумал следующую фразу Линь Исина: «Я просто хочу посмотреть на тебя...»

Он не стал тратить время на препирательства с этим парнем:

— Если что-то нужно, нажми кнопку у изголовья. Я пойду куплю еды и накормлю тебя.

Линь Исин послушно остался лежать, с обидой глядя вслед Линь Шэню.

Линь Шэнь не сказал родителям об этом инциденте, иначе, если бы они начали расспрашивать, почему Линь Исин пытался покончить с собой, правда о его чувствах могла бы всплыть наружу. Поэтому Линь Шэнь не стал брать отпуск, а просто прогуливал школу.

Он учился в выпускном классе, до экзаменов оставалось всего несколько месяцев. Успеваемость была посредственной, особого рвения к учебе не было, и он даже не задумывался, в какой университет поступать.

Линь Шэнь «ухаживал» за Линь Исином несколько дней, убедился, что тот вне опасности, и вернулся к занятиям. С тех пор он больше не связывался с Линь Исином.

В середине мая ему позвонил Линь Исин. Тот использовал новый номер, иначе Линь Шэнь точно не стал бы отвечать.

— Шэнь-шэнь, я скучаю по тебе...

— Шэнь-шэнь, я скучаю по тебе... — у Линь Исина снова случился приступ, он не мог сдержать внутреннюю жажду видеть Линь Шэня.

Он старался убедить себя дать Линь Шэню время. Возможно, всё еще можно исправить, возможно, Линь Шэнь еще вернется к нему, хотя бы в качестве брата. Но Линь Шэнь явно был намерен порвать с ним всякие связи.

Линь Шэнь помолчал немного:

— У меня скоро выпускные экзамены.

— А что будет после них?

— Разве у тебя в душе еще нет ответа?

На том конце провода воцарилась тишина, даже молчание было пропитано горем.

— Шэнь-шэнь, без тебя я умру...

— У тебя с головой не в порядке?! Никто не умрет оттого, что кто-то другой уйдет! — Линь Шэня прорвало, он не мог выносить это «только ты и никто другой».

Корнем его гнева был страх. Безысходный, неотступный страх. Почему всё должно быть так? Почему он должен приходить и мучить его, вторгаться в его спокойную жизнь, заставлять принимать то, что он ненавидит и от чего отрекается...

Линь Шэнь сбросил вызов. В момент разрыва связи он смутно услышал гудки, но не был уверен, кто положил трубку первым — он или Линь Исин.

Это уже неважно. Линь Шэнь раздраженно подумал об этом, но уже через две минуты в крайнем беспокойстве помчался к квартире Линь Исина.

Этот сумасшедший, безумный, больной на голову человек...

Линь Шэнь был знаком с домовладельцем, поэтому взял у него ключи и открыл дверь квартиры Линь Исина. Тяжелый запах крови словно подкосил гордость Линь Шэня.

Когда он ворвался внутрь, Линь Исин лежал на кровати. Белая простыня была залита красным, пятна крови расплзались, словно распускающийся цветок, больно резали глаза Линь Шэня. Предыдущие раны Линь Исина едва начали затягиваться, но в этот раз он нанес себе новые, еще более серьезные повреждения.

К счастью, до состояния шока и потери сознания дело еще не дошло. Но на этом мертвенно-бледном лице не осталось ни капли жизни, словно перед ним был... безнадежный мертвец, пропитанный тьмой и подавленностью.

Эта атмосфера, полная крови и дыхания смерти, была настолько уродлива, что всё истинное, доброе и прекрасное в человеке словно раздавливалось в пыль. Казалось, чья-то рука тянет его напрямик в ад, из которого нет возврата.

Линь Шэнь чувствовал бессилие, словно в одно мгновение из него выкачали все жизненные силы. Сохраняя последние остатки разума, он дрожащими руками достал телефон и вызвал скорую.

Он забрался на кровать, сжал запястья Линь Исина, пытаясь остановить поток теплой крови. В этой близости к смерти у Линь Шэня защемило в носу, и он разрыдался. На залитой кровью постели, обнимая голову Линь Исина, он прошептал:

— Линь Исин, умоляю тебя, отпусти... отпусти меня, пожалуйста...

Он действительно не мог вынести такой любви — этой гнетущей, тяжелой, густой любви, которая, казалось, могла раздавить его и с легкостью задушить.

Линь Исин обнял Линь Шэня окровавленными руками. Его голос был слабым, но нежным, спокойным, без дрожи:

— Шэнь-шэнь, я так скучаю по тебе...

— Поэтому ты решил умереть? У тебя есть хоть капля достоинства? Можешь не быть таким ничтожным?

Ничтожным настолько, что даже хуже собаки.

Линь Шэнь смотрел на залитую кровью постель, крупные слезы падали вниз, он задыхался от рыданий:

— Линь Исин, я умоляю тебя... можешь не устраивать этот спектакль? Я правда не выдержу таких мучений... Тебе обязательно заставлять меня чувствовать вину? Обязательно давить на меня всю жизнь и не давать прохода?

Он плакал так, что не мог вдохнуть. Зачем использовать этот отвратительный и в то же время вызывающий беспомощность способ, чтобы раз за разом истязать его? Линь Исин мог легко пренебречь жизнью и смертью, но каждый раз он заставлял Линь Шэня жить в постоянном страхе... Сколько еще раз повторится этот фарс? Этот кошмар уже был способен разрушить все его психологические барьеры.

Это и есть то, что называют любовью? Думал ли хоть раз Линь Исин о нем... такая любовь причиняет ему только боль.

Линь Исин смотрел на Линь Шэня. Этот гордый человек редко плакал, за почти десять лет их знакомства он максимум пускал скупую слезу. Но в этот раз он рыдал так, что из горла вырывались всхлипы, он захлебывался слезами, всё его тело дрожало, он дышал тяжело и прерывисто.

— Шэнь-шэнь, не плачь... — тихо прошептал Линь Исин, чувствуя, как сжимается сердце.

Он поднял руку, чтобы стереть слезы с лица Линь Шэня, но кровь на его ладонях смешалась со слезами, отчего казалось, будто Линь Шэнь плачет «кровавыми слезами» — это выглядело пугающе и хрупко.

— Линь Исин... я умоляю, я правда умоляю... отпусти меня, не мучай меня... — Линь Шэнь рыдал, уткнувшись в грудь Линь Исина. — Не причиняй мне боли... не заставляй меня винить себя... Я правда не могу это вынести... Ты постоянно твердишь, что любишь меня... так отпусти меня, ладно? Дай мне хоть немного понимания и уважения, хорошо?

Весь мир Линь Исина сузился до рыдающего Линь Шэня. Тот был похож на беспомощного ребенка, униженно умоляющего его — слезами и разрывающим душу видом он молил его отпустить.

Неужели Линь Шэню так больно? Но разве ему самому не больно?

Линь Исин слабо приподнял голову, соприкасаясь носом с носом Линь Шэня:

— Не грусти... Шэнь-шэнь, не грусти... Я был неправ, не плачь...

Тяжелый запах крови витал в воздухе, кровь испачкала лица обоих. В этой атмосфере смерти, способной сломить любую психику, Линь Шэнь произносил каждое слово отчетливо:

— Больше не совершай самоубийство... никогда больше не делай таких глупостей. Слышишь, Линь Исин? Если ты правда любишь меня, больше никогда не делай этого...

Капля крови скользнула по уголку глаза Линь Исина — неизвестно, была ли она со слезой, но он смотрел на Линь Шэня влажными глазами, словно человек, который вот-вот утонет.

Если жизнь приносит столько мучений, зачем вообще жить? Неужели его лишат даже единственной возможности освободиться?

— Слышишь? Я хочу, чтобы ты пообещал мне: никогда больше так не делать. Иначе Линь Шэню будет больно, он будет винить себя и страдать. Если любишь кого-то, не причиняй этому человеку боль, понимаешь?

Любить кого-то — значит не причинять ему боли.

Линь Исин обнял Линь Шэня, его губы дрожали:

— Шэнь-шэнь, я был неправ... я не буду причинять тебе боль...

— Пообещай... пообещай, что бы ни случилось в будущем, ты не покончишь с собой, слышишь?

— Слышу, я обещаю...

— Ты дал мне слово, теперь никогда не смей нарушать его, понимаешь?

— Понимаю...

Как бы ни было больно жить, ради Линь Шэня он будет терпеть.

Линь Шэнь дрожащими губами поцеловал Линь Исина в лоб, слезы текли по его подбородку на лицо Линь Исина, смешиваясь с его слезами.

— Брат... помни об этом, никогда, никогда больше не повторяй этого...

Позже этот день будет постоянно приходить к ним во снах, переплетаясь в их сознании, от него будет невозможно ни убежать, ни избавиться.

Линь Исина во второй раз отправили в реанимацию. Линь Шэнь отмыл с себя всю кровь, но ему казалось, что этот запах преследует его постоянно. В этот раз скрыть произошедшее от Линь Ваньнана и Чэнь Цинъюй не удалось. Они узнали о том, что Линь Исин совершил вторую попытку суицида. Вспоминая те пугающие записи в блокноте, они чувствовали лишь бессилие и страх.

Линь Исин — безумец...

Линь Шэнь словно за одну ночь стал другим человеком: замкнутым, молчаливым, долгое время ни с кем не сближался. Он вернулся в школу и начал прилежно учиться, готовясь к выпускным экзаменам. В день выписки Линь Исина Линь Шэнь позвонил ему, чтобы узнать о самочувствии, но не стал встречаться.

Хотя он явно беспокоился о его здоровье, но Линь Исин понимал: они отдаляются всё дальше и дальше.

Наступил знойный июнь, и в дни экзаменов, как и в прошлые годы, лили дожди. Учительница китайского языка как-то шутила, что дождь в дни экзаменов нужен для того, чтобы создать атмосферу печали.

Июнь — время расставаний для выпускников. После экзаменов наступили выпускные вечера и прощальные встречи.

С момента последней попытки суицида прошло немало времени, и Линь Шэнь знал, что Линь Исин следит за ним. Этот человек прятался в тени, украдкой ходя по пятам и наблюдая за ним. К счастью, он больше не пытался его опохмелить или связать.

Линь Шэнь был измотан, мысли путались, он не знал, что делать. Поэтому он просто притворялся, что ничего не замечает, и продолжал жить своей жизнью.

В вечер выпускного вечера Хэ Жаньжань призналась Линь Шэню в любви. Она немного выпила и на глазах у всех друзей спела песню «Малыш». Она пела, глядя на Линь Шэня, в ее взгляде читалось смущение и волнение, но всё это было наполнено чувствами.

— Линь Шэнь, когда меня похитили в восемь лет, ты ворвался и спас меня. Я решила, что ты — герой, способный спасти мир. Я люблю тебя десять лет, с юности и до взросления, ты — вся моя молодость. Поэтому, Линь Шэнь, ты станешь героем только для меня одной?

Линь Шэнь опустил взгляд и тихо произнес: «Прости».

Через неделю после того дня с Хэ Жаньжань случилась беда. В переулке ее похитили, а затем изнасиловали на съемной квартире. Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй начали расследование. Поначалу преступник всё отрицал, но позже твердо заявил, что его подговорил некий мужчина ростом метр восемьдесят восемь с бледным лицом. История операций по банковской карте также указывала на Линь Исина.

На самом деле, расследование было излишним — Линь Шэнь и сам всё понимал.

Хэ Жаньжань получила тяжелую психологическую травму и лежала в больнице без сознания. Линь Шэнь приходил ее навестить, ее родители рыдали в больнице, постарев за эти дни на десяток лет. Родители Хэ Жаньжань настаивали на заявлении в полицию, они требовали правосудия.

Линь Шэнь сказал: «Не обращайтесь в полицию».

В этот день он получил от Линь Ваньнаня звонкую пощечину — второй раз в жизни, и всё из-за Линь Исина. Он решительно и униженно умолял, просил не заявлять в полицию, ни в коем случае. Этот юноша плакал, вымаливая прощение у людей.

Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй, чувствуя бессилие, начали переговоры с родителями Хэ Жаньжань. О чем бы ни шла речь, всё сводилось к одному — к деньгам. Сотни тысяч, миллионы, машины, квартиры — родители Хэ Жаньжань не уступали. Только когда Чэнь Цинъюй расплакалась, они согласились подождать, пока Хэ Жаньжань придет в себя, чтобы

узнать ее решение.

Когда Хэ Жаньжань очнулась, Линь Шэнь сидел у ее кровати. Он разговаривал с ней, чистил фрукты, покупал еду. В конце концов он сказал:

— Прости, Жаньжань, можно ли решить это дело частным порядком?

Хэ Жаньжань заплакала:

— Линь Шэнь, ты собираешься его защищать?

Линь Шэнь промолчал.

— Когда меня похитили в восемь лет, он был молодым господином семьи Линь, твоим братом. Я была маленькой, трусливой, терпела и молчала... Но сейчас мне восемнадцать, я лишилась того, что для девушки важнее всего. Неужели я должна снова терпеть?

Линь Шэнь закрыл лицо руками, его дыхание сбилось. Спустя долгое время он прохрипел:

— Прости...

<http://bllate.org/book/21630/2231718>